

ЛОРЕТТА
ЦЕЙЗ

*Вчерашний
скандал*

РОМАН

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84 (7Сое)-44
Ч-36

Серия «Очарование» основана в 1994 году

Loretta Chase

LAST NIGHT'S SCANDAL

Перевод с английского *Н. Паниной*

Компьютерный дизайн *Э. Кунтыш*

*В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Fort Ross Inc.*

Печатается с разрешения Nancy Yost Literary Agency
and The Van Lear Agency.

Чейз, Лоретта.

Ч-36 Вчерашний скандал : [роман] / Лоретта Чейз ; [перевод с английского Н. Паниной]. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 320 с. — (Очарование).

ISBN 978-5-17-173171-7

Перегрин Далми, граф Лайл, возвращается в Лондон после раскопок египетских гробниц и вскоре на балу встречает Оливию Уингейт-Карсингтон — давнюю знакомую, которая всегда умела нарушать его внутреннее спокойствие и втягивать в свои рискованные планы. Судьба сводит молодых людей в загадочном и мрачном шотландском замке, полном тайн и опасностей. И там они неожиданно осознают, что самая большая угроза — это их собственные упрямые сердца...

УДК 821.111-31(73)

ББК 84 (7Сое)-44

ISBN 978-5-17-173171-7

© Loretta Chekani, 2010

© Перевод. Н. Панина, 2025

© Издание на русском языке AST Publishers, 2026

Пролог

Лондон

5 октября 1822 года

Милорд!

Это письмо после прочтения следует сжечь. Если оно попадет не в те руки, меня снова отправят в ссылку в деревню, в одно из поместий моих сводных дядей Карсингтон, где меня наверняка будут держать в изоляции.

Я не против кратковременного проживания в деревне, но быть запертой там и лишенной любого общения с людьми (из-за боязни, что я могу завязать неподходящие знакомства или сбить с пути невинных) просто невыносимо. Это может спровоцировать меня на отчаянные поступки.

За мной постоянно следят. Единственный способ послать тебе письмо без правки и цензуры — написать его в тайном месте и договориться с определенными людьми, которые должны остаться неизвестными, чтобы они положили мое послание в дипломатическую почту, поскольку дело это необыкновенно опасное.

Я бы не взялась за это рискованное дело только для того, чтобы отметить, что прошел ровно год, как состоялось наше увлекательное путешествие в Бристоль. Я также не стала бы подвергать опасности свою свободу только ради того, чтобы сообщить обычные безобидные новости, какие юной леди позволено передавать своему знакомому юному джентльмену, тем более что он практически приходится ей братом или по меньшей мере кем-то вроде кузена.

Мне приходится прибегнуть к уловке, поскольку считаю своим долгом сообщить тебе о грядущей перемене в твоей жизни. Нам, детям, не полагается знать о таких делах, но я не слепая. Дело в том, что твоя мать снова беременна.

Да, потрясающая новость, в ее-то возрасте, тем более что с тех пор, как родился твой первый брат, прошло не больше года. Кстати, малыш Дэвид становится удивительно похожим на тебя, по крайней мере внешне. В самом нежном возрасте дети меняются как хамелеоны, но его черты лица, похоже, определились. Волосики у него растут светлые, как твои, и глаза, кажется, обрели такой же необычный оттенок серого. Но я отвлеклась.

Меня заинтересовала внезапная плодовитость твоей матери после тринадцати лет бесплодия. Но прабабка Харгейт говорит, что все это объясняется продолжительными визитами твоих родителей за последние годы в их любовное гнездышко, как она его называет, в Шотландии. Прабабка утверждает, что хаггис* и шотландский виски сделали свое дело. Она говорит, подобное сочетание всегда оказывало удивительное воздействие на прадеда. Я знаю, что она имеет в виду под «удивительным», поскольку наткнулась однажды на ее тайную коллекцию гравюр.

Надо заканчивать, если я хочу, чтобы письмо благополучно попало в курьерскую сумку. Мне будет трудно улизнуть из дома родственника незамеченной и найти кэб. К счастью, у меня есть союзники. Если меня схватят, то меня ждет заточение в деревне, но, как тебе известно, в стремлении к благородной цели собственная безопасность и счастье не имеют для меня особого значения.

Искренне твоя

Оливия Уингейт-Карсингтон.

---

* Национальное шотландское блюдо из бараньих потрохов (сердца, печени и легких), порубленных с луком, толокном, салом, приправами и солью и сваренных в бараньем желудке.

Фивы, Египет
10 ноября 1822 года

Дорогая Оливия!

Я получил твое письмо несколько дней назад и должен был ответить раньше, но моя учеба и наша работа отнимают все время. Сегодня, впрочем, дядя Руперт уехал, чтобы прогнать группу французов с одного из мест наших раскопок — уже в третий раз. Негодяи выжидают, пока наши люди очистят весь песок, а это недели и недели работы. Затем бесчестные галлы состряпают фирман* от несуществующего халифа или какой-нибудь другой документ, который даст им все права на эту местность.

Я мог бы разбить им головы не хуже всякого другого и уехать, но тетя Дафна привязала меня к поручню дахабии (это такая лодка на Ниле, довольно удобная) и велела мне написать родным. Если я напишу родителям, это лишь напомнит им о моем существовании и вызовет обычное глупое желание призвать меня домой, чтобы наблюдать их спектакли до тех пор, пока они не забудут, зачем я был нужен, и не отправят меня в очередную унылую школу.

Поскольку ты, как приемная дочь лорда Ратборна, считаешься членом семьи, то никто не станет возражать, если вместо них я напишу тебе. Что касается твоей новости, то она вызывает во мне противоречивые чувства. С одной стороны, я очень огорчен известием о том, что еще одно невинное дитя окажется ввергнутым в пучину родительских страстей. С другой — я эгоистично рад иметь наконец родных братьев, и мне приятно, что мальш Дэвид в добром здравии.

Не знаю, почему кто-то должен возражать против того, что ты сообщишь мне о беременности моей матери, но я ведь никогда не понимал, почему женщин за это осуждают. Если тебя это утешит, то здесь женщины находятся в еще более трудном положении. В любом случае я надеюсь, что ты не попадешь в заточение за то, что просветила меня. Твой характер не вписывается в рамки правил, я уж не говорю

---

* Фирман — приказание, письменный приказ султана (перс.).

о сидении под замком. В этом я убедился на личном опыте во время приключения, о котором ты вспоминаешь.

Разумеется, я отлично помню тот день, когда внезапно и неожиданно — эти два слова у меня всегда будут неразрывно связаны с тобой — покинул Лондон вместе с тобой.

Каждое мгновение нашей поездки в Бристоль врезалось в мой мозг так же глубоко, как греческие и египетские надписи на Розеттском камне, и останется там так же долго. Если кто-то, столетия спустя, случайно раскопает мое тело и станет препарировать мой мозг, то он найдет там три четко врезавшихся слова: «Оливия. Внезапно. Неожиданно».

Ты знаешь, что в отличие от моих родителей я не сентиментален. Мои суждения должны опираться на факты. А факт заключается в том, что после нашего путешествия моя жизнь удивительным образом изменилась.

Если бы я не поехал с тобой, меня бы отослали в одну из многочисленных школ в Шотландии, где придерживаются спартанских принципов воспитания. Хотя, честно говоря, если сравнивать, то спартанцы были гораздо мягче. Мне пришлось бы мириться с такой же раздражающей ограниченностью интересов, какая существует в других школах, но только в еще более садистских формах, и при этом терпеть непостижимый шотландский акцент и отвратительную погоду. И волынку.

В благодарность прилагаю небольшой подарок. По словам тети Дафны, знак, обозначающий жука-скарабея, произносится как «kherer», с «kh» как немецкий «ach». Иероглифы имеют несколько значений и могут толковаться по-разному. Скарабей символизирует возрождение.

Это путешествие в Египет я рассматриваю как свое второе рождение. Оно оказалось еще более увлекательным, чем я смел надеяться. За прошедшие века песок поглотил целые миры, которые мы только начали открывать. Эти люди восхищают меня, и мои дни здесь стимулируют меня умственно и физически, чего никогда не бывало дома. Я не знаю, когда мы вернемся в Англию. Надеюсь, что это будет ненадолго.

На этом должен заканчивать. Вернулся дядя Руперт, как мы с радостью отметили, целый и невредимый, и я не могу дожидаться, когда услышу о его схватке с теми ничтожными бездельниками.

Искренне твой

Лайл.

P.S. Я бы хотел, чтобы ты не использовала в отношении меня обращение «милорд». Слышу, как ты произносишь это с досадой и насмешкой в голосе, и представляю, как ты склоняешься в глубоком реверансе, или — учитывая твою путаницу насчет того, что разрешено и что не разрешено девочкам, — в поклоне.

Л.

P.P.S. Какие еще гравюры?

Четыре года спустя

Лондон

12 февраля 1826 года

Мой дорогой Л.!

Мои поздравления к твоему восемнадцатому дню рождения! Пишу второпях, поскольку опять отправляюсь в изгнание, на этот раз в Чешир, с дядей Дариусом. Теперь буду знать, как брать с собой в игорный дом такую маленькую болтушку, как Софи Хаббл.

Как бы я хотела, чтобы твой недавний визит продлился дольше. Тогда мы могли бы вместе отметить этот важный день. Но я знаю, что тебе гораздо лучше в Египте.

К тому же, если бы ты задержался здесь, тебе, возможно, вообще не разрешили бы вернуться в Египет.

Вскоре после твоего отъезда твоим родителям пришлось пережить тяжелое испытание. Ты же знаешь, я всегда скрывала правду от взрослых. Лорду и леди Атертон я дала понять, что чума египетская — это не та ужасная и смертельная болезнь, которую связывают с временами Средне-

вековья, а всего лишь одно из обычных недомоганий, которые часто переживают путешественники. Но спустя несколько недель после того, как твой корабль поднял паруса, какой-то негодник рассказал им правду! У них началась истерика, закончившаяся требованием повернуть судно назад! Я твердила им, что возвращение назад просто убьет тебя, но они сказали, что я излишне драматизирую. Я!!! Ты можешь верить? Надо заканчивать. Посыльный здесь.

Нет времени обо всем написать. Достаточно сказать, что мой приемный отец все уладил, и пока ты в безопасности.

Adieu*, мой друг. Думаю о том, увиджу ли тебя когда-нибудь снова и... О, черт! Должна идти.

Искренне твоя

Оливия Карсингтон.

P. S. Да, я пропустила фамилию Уингейт, и ты не удивишься почему, когда я расскажу тебе, что мой дядя по отцовской линии сказал о моей маме. Будь жив отец, он бы отрекся от них, и ты знаешь... Чертов посыльный! Он не станет ждать.

О.

*Деревня в десяти милях от Эдинбурга, Шотландия
Май 1826 года*

В замке Горвуд уже два года никто не жил.

Старому мистеру Далми, здоровье которого становилось все хуже, за несколько лет до этого пришлось переехать в современный, более теплый и сухой дом в Эдинбурге. Его управляющий еще не нашел арендаторов, и смотритель дома, прошлой весной пострадавший от несчастного случая, до сих пор не вернулся. Вот почему реставрация и ремонтные работы, длившиеся целую вечность, иными словами — на протяжении всего времени, пока мистер Далми жил в замке, постепенно замерли.

---

* Прощай (фр.).

И в этот весенний вечер Джок и Рой Рэнкин были полными хозяевами в замке.

Они, по обыкновению, рылись в мусоре. На собственном тяжелом опыте братья убедились, что великолепные камни из зубчатых стен не выдерживают падения на землю с высоты более сотни футов. Подвальный этаж замка, полный обломков, давал возможность более легкой наживы. Кто-то уже пытался украсть часть лестницы. Тот, кто их нанял, хорошо заплатит за оставшиеся каменные глыбы.

Когда они выкапывали большой фрагмент лестницы из слоя извести и обломков, свет фонаря упал на круглый предмет, не похожий ни на кусок извести, ни на обломок камня.

Джок поднял его и осмотрел, прищурившись.

— Глянь-ка сюда, — сказал он.

Собственно говоря, он сказал немного не так. Они с Роем говорили на шотландском варианте английского языка, который рядовой англичанин мог бы с легкостью ошибочно принять за санскрит или албанский.

Если бы они разговаривали на узнаваемом английском, то их речь звучала бы так:

— Что у тебя там?

— Не знаю. Медная пуговица?

— Дай погляжу.

— Может, это медаль? — соскоблив грязь и внимательно вглядываясь в предмет, предположил Рой.

— Старая медаль? — обрадовался Джок. — За некоторые из них дают кучу денег.

— Возможно. — Рой потер еще и снова пристально посмотрел на предмет. — Р-Е-К-С*, — с трудом проговорил он по буквам. — Дальше значок, не буква. Потом К-А-Р-О-Л-У-С**.

---

* Король (*лат.*).

** Монета, выпускавшаяся во время правления Карла I, короля Англии, Шотландии и Ирландии с марта 1625 года.

Джок, чьи навыки чтения ограничивались умением распознать вывеску таверны, спросил:

— Это что?

Рой посмотрел на него.

— Деньги, — сказал он.

И они с удвоенной энергией возобновили раскопки.

Глава 1

Лондон

3 октября 1831 года

Перегрин Далми, граф Лайл, смотрел то на отца, то на мать.

— Шотландия? Нет, ни в коем случае!

Маркиз и маркиза Атертон обменялись взглядами. Лайл не пытался угадать, что это означает. Его родители жили в своем собственном мире.

— Но мы рассчитывали на тебя, — сказала мать.

— Почему? — спросил он. — В последнем письме я четко написал, что задержусь совсем ненадолго перед возвращением в Египет.

Они выжидали до последнего, когда оставались считанные минуты до отъезда в Харгейт-хаус, чтобы сообщить ему о критическом положении в одном из шотландских поместий семьи Далми.

Этим вечером граф и графиня Харгейт давали бал в честь девяносто пятого дня рождения Юджинии, вдовствующей графини Харгейт, матриарха семьи Карсингтон. Лайл вернулся из Египта, чтобы присутствовать на нем, и не только потому, что это мог быть его последний шанс застать старую греховодницу в живых.

Будучи взрослым мужчиной, почти двадцати четырех лет от роду, и уже не находясь на попечении Руперта и Дафны Карсингтон, Лайл по-прежнему считал Карсингтонов своей семьей. Они были единственной настоящей

семьей, которую он знал. Он и не думал пропускать празднование.

Перегрин с нетерпением ждал встречи со всеми, а с Оливией — в особенности. Они не виделись пять лет, со времени его последнего визита домой. Когда две недели назад он прибыл в Лондон, она находилась в Дербишире. И вернулась только вчера.

Она уехала в загородный дом родителей в начале сентября, через несколько дней после коронации, по причине разорванной помолвки. Это была ее третья, или четвертая, или десятая помолвка — она сообщала обо всех в своих письмах, но он сбился со счета, и, по общему мнению, на этот раз Оливия побила все свои предыдущие рекорды по недолговечности обручения. И двух часов не прошло с тех пор, как она приняла кольцо лорда Градфилда и тут же вернула его ему вместе с письмом, в котором было множество подчеркиваний и заглавных букв. Его сиятельство болезненно воспринял отказ и вызвал ни в чем не повинного свидетеля на дуэль, во время которой мужчины ранили друг друга. К счастью, раны были не смертельные.

Другими словами, обычное волнение, связанное с Оливией.

Лайл приехал домой явно не ради своих родителей. Они были странной парой. У них были дети, но они не выглядели нормальной семьей. Они полностью растворились друг в друге и в своих бесконечных конфликтах.

Это было так похоже на них — за минуту до отъезда на бал начать спор, который требовал разумного обсуждения в более подходящее время.

Замок Горвуд, оказывается, разрушался на протяжении последних трех или четырех сотен лет и время от времени подвергался ремонту в течение этих столетий. По какой-то причине родители вдруг решили, что он должен быть восстановлен в прежнем блеске и Лайл должен поехать туда, чтобы проследить за работами, из-за некоторых проблем с... привидениями?

— Но ты должен поехать, — сказала мать. — Кто-то должен поехать. Кто-то должен что-нибудь сделать.

— Этим кем-то должен быть ваш управляющий, — ответил Лайл. — Просто абсурдно, что во всем графстве Мидлотиан Мейнз не может отыскать рабочих. Я думал, что шотландцы отчаянно нуждаются в работе.

Он подошел к камину, чтобы согреть руки.

Нескольких недель, прошедших после его возвращения из Египта, было недостаточно, чтобы он акклиматизировался. Эта английская осень казалась ему лютой зимой. Пребывание в Шотландии станет для него невыносимой мукой. Погода там даже в разгар лета достаточно мерзкая: серая, ветреная и дождливая, если не идет снег или град.

Он ничего не имеет против суровых условий. Строго говоря, Египет представлял собой еще более враждебную среду. Но в Египте есть цивилизации, которые он открывал. В Шотландии открывать нечего, никаких древних тайн, ждущих своей разгадки.

— Мейнз перепробовал все, даже подкуп, — сказал отец. — Что нам требуется, так это присутствие там мужчины из нашей семьи. Тебе известно, насколько шотландцы привержены своему клану. Они хотят, чтобы лэрд замка возглавил их. Я не могу ехать. Не могу оставить твою мать, когда у нее такое хрупкое здоровье.

Другими словами, она снова беременна.

— Похоже, ты должен покинуть меня, любовь моя, — проговорила мать, поднимая к голове свою слабую руку. — Перегрину никогда ничего не волновало, кроме греческого, латыни и токсского.

— Коптского, — поправил Лайл. — Древнего языка...

— Всегда один только Египет на уме, — произнесла мать с легким всхлипыванием, не предвещавшим ничего хорошего. — Вечно твои пирамиды, мумии и свитки, и никогда — мы. Твои братья даже не знают, кто ты такой!

— Они меня знают достаточно хорошо, — возразил Лайл. — Я тот, кто посылает им все эти замечательные вещицы из дальних краев.

Для них он был бесстрашным и загадочным старшим братом, с которым в дикой и опасной стране происходили

всякие захватывающие приключения. И он действительно посылал им подарки, вызывавшие восторг у мальчишек: мумии кошек и птиц, шкурки змей, зубы крокодила и прекрасно сохранившихся скорпионов. Он также регулярно писал им.

И все же Перегрин не мог заглушить внутренний голос, твердивший ему, что он бросил братьев на произвол судьбы. То, что он ничего не мог сделать для них, кроме как разделить с ними их страдания, служило плохой отговоркой.

И только лорд Ратборн, известный в свете как лорд Безупречность, был в состоянии справиться с его родителями. Он спас от них Лайла. Но теперь у Ратборна была собственная семья.

Лайл знал, что должен что-нибудь сделать для братьев. Но вся эта затея с замком была сущей ерундой. На сколько ему придется отложить возвращение в Египет? И во имя чего?

— Не понимаю, какая братьям польза от моего прозябания в сыром, разваливающемся старом замке? — проговорил он. — Не могу представить более нелепого поручения, чем путешествие в четыре сотни миль ради спасения кучки суеверных рабочих от призраков. Я также не понимаю, чего испугались ваши крестьяне. Каждый замок в Шотландии наводнен призраками. Они живут повсеместно. На полях сражений. В деревьях. В скалах. Шотландцы обожают свои привидения.

— Тут дело серьезнее, чем привидения, — сказал отец. — Произошли ужасные несчастные случаи, были душераздирающие крики среди ночи.

— Говорят, когда твой кузен Фредерик Далми случайно наступил на могилу прапрабабки Малкольма Макфетриджа, вступило в силу давно забытое проклятие, — добавила мать, пожимая плечами. — Сразу после этого здоровье Фредерика стало ухудшаться. Через три года он скончался!

Лайл смотрел на них, уже не в первый раз желая, чтобы было к кому обернуться и сказать: «Можно ли в это поверить?»

Хотя его родителям принять доводы здравого смысла было почти так же трудно, как для Лайла увидеть единого рога, его собственный разум требовал, чтобы он представил им факты.

— Фредерику Далми было девяносто четыре года, — начал он. — Он умер во сне. В своем доме в Эдинбурге, в десяти милях от замка, который, как предполагают, был проклят.

— Не совсем в этом дело, — возразил отец. — Дело в том, что замок Горвуд — собственность Далми, и он разваливается на части!

«И до сих пор вам не было до него никакого дела», — подумал про себя Лайл. Кузен Фредерик покинул замок много лет назад, и они даже не вспоминали о нем.

Почему вдруг теперь это стало столь важным?

Ну конечно! Он же дома и не может не обращать внимания на родителей так, как не обращал внимания на их письма. Это заговор, чтобы удержать его в Англии. Не потому, что он им нужен, и не потому, что они без него жить не могут. Все это лишь потому, что, по их мнению, его место — здесь.

— Какое ему дело? — вскрикнула мать. — Когда Перегрин думал о нас?

Она вскочила с кресла и подбежала к окну, словно хотела в отчаянии выброситься из него.

Лайла это нисколько не встревожило. Мать никогда не выпрыгивала из окон и не разбивала голову о каминную полку. Она только вела себя так, словно собиралась это сделать.

Вместо того чтобы думать, его родители устраивали спектакли.

— Какое чудовищное преступление мы совершили, Джаспер, что в наказание получили такого жестокосердного сына? — запричитала она.

— Эх, Лайл, Лайл! — Лорд Атертон приложил руку к голове и принял свою излюбленную позу короля Лира. — К кому же еще обращаться, как не к своему старшему сыну и наследнику?